

св. Феодул (23 декабря). Изучение новых снимков не позволяет, однако, трактовать букву в начале четвертой строки как **Ѡ**; от этой буквы виден плоский верх с тремя отходящими от него вертикальными штрихами, что делает наиболее вероятным прочтение ее как *т*. С другой стороны, буква, прочитанная в издании как *л*, имеет горизонтальный штрих внизу, что делает единственно возможной трактовку ее как *о* (ср. такой же плоский низ у следующего далее **Ѡ**); тем самым объясняется и наличие двух точек по сторонам следующего далее *а*, которое, по-видимому, нужно трактовать как отдельное слово. У буквы перед *о*, трактованной как *Ѹ*, нижний соединительный штрих, напротив, отсутствует — в действительности это *х*. От предыдущей буквы видна лишь верхняя часть в виде «домика», правый скат которого не доходит до линии обрыва, — это может быть только *е*, поскольку *с* в данной позиции исключено. С учетом этих поправок нижняя строка грамоты приобретает вид: ...тѣхо ·а· Ѡнѣ за...

№ 71 (XIII в.) [Г]. Грамота, найденная в 1952 г. в культурных напластованиях XIII в. усадьбы Б Неревского раскопа, была охарактеризована в издании как небольшой отрывок и опубликована без разделения на слова: **ильда тинь|селиць тьр|пила**. В первой строке А. В. Арциховский прочел *иль дати*, во второй — слово *селище*, третью оставил без комментария (НГБ-П: 73–74). С тех пор документ ничьего внимания к себе не привлекал.

При изучении новой цифровой фотографии и дополнительном обследовании оригинала грамоты обнаружилось, что в действительности она представляет собой не фрагмент, а полностью сохранившийся документ с одинаковым образом обтрепанными краями. При таком взгляде на грамоту *тьр* в конце второй и *пила* в начале третьей строки смыкаются, образуя хорошо засвидетельствованное имя *Терпила*. В первой же строке (последняя буква которой не *ь*, а *ь*) прочитывается прилагательное *Ильда тинь*. В целом текст приобретает вид: *Ильда тинь селищъ, Тьрпила* (со снятием эффектов бытовой орфографии: *Ильда тин(о) селищ(е), Т(е)рпила*).

Новое прочтение грамоты делает особенно актуальной параллель, приведенную А. В. Арциховским к слову *селище* из новгородских писцовых книг, где эта лексема представлена сотнями употреблений: «Да в Ретени ж Онтоновское селище, а косит на нем сено Егорьевской поп». По существу, грамота № 71 представляет собой запись того же типа, указывая название пункта и имя того, кто в нем в настоящее время проживает или хозяйствует. Фрагментом такой же памятной записи может быть и грамота № 72, найденная в том же слое на участке мостовой Великой улицы, примыкающем к усадьбе Б (... *Иванко, сыно Дьямянко*).

Селище, на котором грамота № 71 помещает Терпила, некогда принадлежало человеку по имени *Ильдата*. Это имя, хотя и фиксируется впервые, не уникально в новгородской письменности. С ним невозможно не связать отчества двух братьев *Ильдятиничей*, убитых в Раковорской битве 18 февраля 1268 г.: «И ту створися зло велико: убиша посадника Михаила, и Твердислава Чермного, Никифора Радятинича, Твердислава Моисиевича, Михаила Кривцевича, Ивача, *Бориса Илдятинича, брата его Лазоря*, Ратшю, Василя Воиборзовича, Осипа, Жирослава Дорогомилевича, Поромана подвоиского, Полюда, и много добрыхъ боярь, а иныхъ черныхъ людий бещисла» (НПЛ [1268], л. 145). Имя отца Бориса и Лазоря — *Ильдата* — отличает от *Ильдата* грамоты № 71 лишь мягкость согласного (которая во втором случае могла быть просто не обозначена), что, конечно, не составляет препятствия для отождествления имен. Но не только имен. Уточненная стратиграфическая дата грамоты № 71: середина – третья четверть XIII в. — идеально согласуется с летописным упоминанием, позволяя уверенно считать Ильдату/Ильдяту берестяной грамоты отцом убитых под Раковором Бориса и Лазоря.

Имя *Ильдата* — очевидно, неславянское (интерпретация его как варианта имени *Ильята* [Бэкунд 1956: 257] неприемлема по фонетическим соображениям). Его можно было бы связать со скандинавским корнем *hild-*, однако последний участвует в образовании исключительно женских имен. На этом фоне наиболее вероятной представляется трактовка данного антропонима как славянизированной уменьшительной формы имени *Ильдаш*, засвидетельствованного у башкир и чувашей (Расоньи, Баски 2007: 298).

Тюркское происхождение Ильдыты не следует связывать с татарским завоеванием: факт гибели Бориса и Лазоря Ильдятиничей в 1268 г. позволяет предполагать появление в Новгороде его самого еще в домонгольский период. В новгородском обществе второй половины XII – первой трети XIII вв. Ильдыта оказывается далеко не изолированной фигурой, пополняя ряд персонажей, наметившийся благодаря нескольким находкам последнего времени. Такими же, как Ильдыта, этническими тюрками были, по всей вероятности, Кыяс — один из адресатов берестяной грамоты № 1000 (сер. XII в.) (см. в настоящем томе), Сандус — автор надписи в Мартирьевской паперти Софийского собора (Гиппиус, Михеев 2011: 44–46), Гюлопа и его сын Гюлопинич, упоминаемые в берестяных грамотах № 729 и № 926 (2 пол. XII в.) (см. комментарий к грамоте № 729).

Люди, подобные Ильдыте и Гюлопе, могли попадать в Новгород разными путями, но в первую очередь — в окружении князей, приходивших из южной Руси. В связи с этим особенно примечателен факт наличия у Ильдыты собственного села. Как известно, запрет на «держание» князем и его людьми сел в Новгородской земле неизменно присутствует в формуляре договоров Новгорода с князьями. С другой стороны, как видно из тех же договоров, княжеские бояре все же могли, в обход этого запрета, обзаводиться в Новгороде собственными селами, рискуя, впрочем, лишиться их с изменениями политической конъюнктуры. В случае с «Ильдятинным селищем» тюркское имя помогает выявить факт принадлежности села лицу из княжеского окружения.

№ 83 (XI в.) [Г]. Несмотря на то, что от грамоты сохранился лишь крохотный фрагмент, можно уверенно определить ее жанр: это долговая запись вида «на X-е столько-то, на Y столько-то».

на
рѣ ...
гѣ(вн)- ...

№ 88 (вероятно, первое 40-летие XII в.) [Г]. Грамота была найдена в виде сложного переплетения берестяных ленточек, на которые она была разорвана в древности. «Когда это переплетение было распутано, — писал А. В. Арциховский, — обнаружилось лишь части букв. Прочсть ничего нельзя. Мерить тут тоже нечего» (НГБ-III: 14). Вместо прориси в издании был помещен рисунок самой плетенки.

В расплетенном виде, в каком он хранится в Отделе рукописей ГИМ, документ оказался куда более информативным, чем это представлялось издателю. Он представляет собой четыре берестяных полоски длиной 15, 13, 12,7 и 10,7 см и еще три мелких фрагмента (2,5, 2 и 1,2 см; на рисунке в издании они изображены отдельно); в общей сложности эти фрагменты содержат остатки около восьми десятков букв. Как выяснилось при обследовании фрагментов, две из четырех полосок первоначально составляли одну длинную (более 28 см) полосу, которая впоследствии была разорвана (разрезана?) посередине. Аналогичным образом, из более длинных лент, могли быть получены и две других полоски. Действительно, читаемые в них фрагменты текста удастся состыковать между собой путем простой и высоковероятной конъектуры (см. ниже). По видимому, прочитав грамоту, адресат поступил с ней следующим образом: разорвав берестяной лист вдоль волокон на несколько полос («пощепавши грамоту», как это действие обозначено в грамоте № 881), он взял две несмежные полоски, разделил их пополам и из полученных четырех ленточек сделал свою плетенку. Существующие отдельно три мелких фрагмента должны были в таком случае принадлежать одной из этих ленточек. Подходящее место для них, действительно, обнаруживается: составляемая из нижних частей букв последовательность [ѣ е](с)[мь бы] находит точное соответствие в одной из полос, где сохранились верхние части букв той же последовательности.

Взаимно скоординированные между собой фрагменты дают следующий текст (приводим его вместе с прорисью):